

ЭКСКЛЮЗИВ

Анджей Вайда: "Нужно уметь делать выводы из истории"

Накануне своего визита в Москву Анджей Вайда дал эксклюзивное интервью "МК".

— Господин Вайда, с какими чувствами вы приезжаете в Москву?

— С чувством дружбы, так как у меня всегда были здесь друзья: Гриша Чухрай, Андрей Тарковский с Кончаловским, которые еще учились во ВГИКе, писали "Рублева"; Галина Волчек из театра "Современник", где я делал постановки (режиссировал); Олег Табаков — его актерским мастерством я всегда восхищался. Своей дружбой дарил меня Михаил Ромм. Я рад встрече с Ириной Рубановой и Мироном Черненко — критиками, которые всегда относились благожелательно к польскому кино. Я надеюсь встретиться с Никитой Михалковым и посетить Музей кино, которым руководит Наум Клейман. А сколько еще друзей я не назвал! "Друзья москали", как называл своих друзей Адам Мицкевич, остаются до сих пор и нашими друзьями.

— По какому критерию вы отбирали фильмы для своей ретроспективы в Москве?

— Я выбирал лучшие и все те, которые были созданы по мотивам русской литературы. Их довольно много, начиная с "Уездной леди Макбет" по Лескову югославского производства и кончая "Настасьей" — японским фильмом по "Идиоту" Достоевского.

— От показа каких фильмов вы отказались и почему?

— Причиной были либо плохое техническое качество копии, либо трудности в получении согласия продюсера на показ. Таких фильмов не слишком много. Зато были включены мои работы для телевизионного театра, которые кажутся мне интересными.

— В свое время вы открыли несколько прекрасных польских актеров, например, Збигнева Цибульского и Даниэля Ольбрыхского. Есть ли среди польских актеров нового поколения звезды такого же класса и такого же потенциала?

— Наверняка есть, но, к сожалению, им не попались пока фильмы и роли, которые бы дали им шанс, как это было с Цибульским и Ольбрыхским, чтобы обрести себя на экране.

— Какая эпоха, по вашему мнению, наступила в польском кино после эпохи "морального непокоя"?

— Эпоха смуты, вызванной свободным рынком и отсутствием нового законодательства, которое регулировало бы отношения в польской кинематографии. Причиной слабости многих фильмов, снятых в последнее время в Польше, является недостаток актуальной отечественной литературы, на которую опиралось наше кино с давних пор и в течение многих лет.

— Вопрос не из приятных, но тем не менее... Польские критики обвинили нескольких режиссеров — в частности, Ежи Кавалеровича, Ежи Гоффмана, Кшиштофа Занусси и вас, — что ваше поколение, "бароны", загорживает путь молодым кинематографистам. По вашему мнению, это проявление недостатка воспитания или агрессии?

— Это ложь. Деньги, на которые мы снимаем наши фильмы, поступают не из государственного бюджета. Это средства из заграничных банков, от телевидения или от частных продюсеров, которые никогда не предоставили бы их в распоряжение дебютантов. Возьмем фильм, начиная с "Огнем и мечом" Гоффмана и кончая моей "Местью", на них пришли миллионы польских зрителей, благодаря чему наш зритель обрел не только американский, но и польский репертуар. Это оживило наше кино, а продюсеры заинтересовались также фильмами молодых режиссеров.

— После ухода из Старого театра в Кракове вы не думаете вернуться в театр?

— Нет. И не потому, что в Польше не существует второго такого театра, а потому что мне не нравится тенденция превращения театра в телевидение и боязнь зрителя. Имитация жизни, которую создает телевидение, не имеет ничего общего с театром.

— Ваше отношение к войне в Ираке?

— В 1939 году тоже никто не хотел умирать за польский Гданьск. Нужно уметь делать выводы из истории.

На днях в Москве случится событие, которого ждут многие, — приезжает Анджей Вайда. Каждый день выдающегося режиссера, оscarоносца и гуру польского кино расписан по минутам. Оно и понятно, во-первых, он лицо польского кино, которое для советских зрителей многие годы было единственной отдушиной и школой. Во-вторых, на многие годы он определил уровень художественного мышления и сознания. Тем более что он давно не был в России.

REUTERS

АЛМАЗ ИЗ ПЕПЛА

— Что бы вы написали сейчас номером первым в мире и искусстве, если бы продолжили "Мои заметки об истории"?

— "Мои заметки об истории" — это 5-частный киносериал, где я комментирую мои фильмы, расположенные в хронологическом порядке. Они укладываются в историю Польши от эпохи Наполеона в фильме "Пепел" до августа 1980 г. в "Человеке из железа". Я уже готовлю сценарий, чтобы продолжить этот фильм. Тем более что в нем родился сын Мачека и Агнешки, которому сегодня уже 22 года, а это как раз то поколение, на которое мы сегодня особенно рассчитываем.

Марина РАЙКИНА.

Вайда не стал Гавелом

Первая известность к едва разменявшему "тридцатник" Вайде пришла с фильмом "Канал". Фильм был о войне — и не случайно. Когда немцы напали на Польшу, Вайде было всего тринадцать. Когда война закончилась, ему было девятнадцать. Тот возраст, когда человек прощается с детством и становится взрослым. К тому же на войне молодой поляк был не только свидетелем — как говорится, "поучаствовал" в рядах Армии Крайовой.

"Канал" затрагивал такую болезную для поляков (и не только) тему, как Варшавское восстание: польская столица восстала против фашистов, а Красная Армия, бывшая рядом, на помощь не спешила... В другое время фильм, может быть, и не попал бы на экран — но только недавно прошел XX съезд, в Польше тоже запахло оттепелью. "Канал" даже показали во время Московского фестиваля молодежи и студентов и затем выпустили в прокат. Следую-

щему фильму Вайды "Пепел и алмаз" повезло меньше — на советский экран он попал лишь через семь лет.

Так или иначе, но "Каналом" Вайда открыл эру "нового польского кино". А еще Вайда открыл нового актера — сейчас его назвали бы культовым. В вайдовской ленте "Поколение" дебютировал Збигнев Цибульский. Так же, как и к Вайде, настоящая слава к Збигневу пришла после. И принес ее "Пепел и алмаз", фильм красивый, трагичный и запоминающийся — не деталями, а яркостью восприятия.

Названия вайдовских работ сделали частью культурного кода эпохи: "Человек из мрамора" и "Человек из железа" по сию пору воспринимаются не только как названия фильмов, есть тут нечто большее. И дело даже не в харизматическом пане Валенсе. Вряд ли Вайда напрямую имел его в виду, хотя Валенсу и Вайду связывала дружба. Но, видно, так сложилось, что все увидели лидера "Солидарности". Да что там говорить, если даже в исторической ленте "Дантон" умудрились отождествлять главного героя все с тем же Валенсой. За эти три работы Вайде, пожалуй, больше всего и доставалось. Наша киноэнциклопедия образца середины 80-х журила режиссера за антисоциалистические тенденции и тенденциозное освещение истории. На родине Вайду тогдашние власти тоже особо не привечали, но и репрессий не устраивали. Даже выпускали — хотя со скрипом — на международные кинофорумы, где Вайда собирал урожай призов и всевозможных премий. Когда "коммуния" пала, режиссер пошел было в политику, стал сенатором. Но Вайда не стал Гавелом — и из политики скоро вернулся в искусство.

Вайда и Россия — тема особая. Вайду давно обуревало желание сделать фильм про Катинь, тут очень много личного — там погиб отец режиссера. Многие до сих пор не могут простить Катини. Вайда не из таких. И лучшее тому свидетельство — куча фильмов и спектаклей по русской классике от Достоевского и Лескова до Чехова и Бугакова.

Андрей ЯШЛАВСКИЙ.

P.S. За помощь в организации материала "МК" благодарит отдел культуры посольства Республики Польша.